

На правах рукописи

ГОЛОВЧЕНКО ИГОРЬ ФЕДОРОВИЧ

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «ПУТЕШЕСТВИЯ»
В ДИСКУРСЕ АКМЕИЗМА
(Н. ГУМИЛЕВ, О. МАНДЕЛЬШТАМ, А. АХМАТОВА)**

Специальность: 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2017

Работа выполнена на кафедре истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (г. Москва)

Научные консультанты:

доктор филологических наук,
профессор **Кихней Любовь Геннадьевна**,
доктор филологических наук,
доцент **Селеменова Марина Валерьевна**

Официальные оппоненты:

Круглова Татьяна Сергеевна, доктор филологических наук (10.01.01.), доцент, профессор кафедры ЮНЕСКО ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»;

Меркель Елена Владимировна, доктор филологических наук (10.01.01.), доцент, профессор кафедры филологии Технического института (филиала) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»;

3. **Раскина Елена Юрьевна**, доктор филологических наук (10.01.01.), доцент, научный сотрудник АНО ВО «Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт» (МИТУ-МАСИ).

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» (кафедра отечественной и мировой литературы)

Защита состоится «23» марта 2018 года в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.203.23 при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, ауд. 730.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат размещены на сайтах <http://vak.ed.gov.ru/> и <http://dissovet.rudn.ru>.

Автореферат разослан «21» февраля 2017 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Базанова А.Е.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Обоснование темы и предмета исследования. Акмеизм как литературное течение начала XX века, уникальное и самобытное для русской литературы, получил разностороннее освещение в работах известных отечественных и зарубежных исследователей. Тем не менее, существуют малоисследованные аспекты творчества представителей этого литературного течения, на одном из которых и сосредоточено внимание в настоящей работе – это литературное путешествие в произведениях трех наиболее ярких акмеистов – Н.С. Гумилева, О.Э. Мандельштама и А.А. Ахматовой.

Выбор темы исследования обусловлен, во-первых, тем, что семантический комплекс литературного путешествия среди авторов Серебряного века ярче всего представлен именно у акмеистов. В школе символизма, футуризма, имажинизма и других, менее заметных течениях не существовало значимых травелогов, получивших воплощение в виде крупных произведений (циклов очерков, циклов стихотворений, сборников и пр.). Во-вторых, тем, что Гумилев, Мандельштам, Ахматова в своих произведениях реализовали три различных стратегии воплощения травелогических тем, мотивов, сюжетов и образов.

Актуальность диссертационного исследования определяется несколькими причинами:

во-первых, тем, что представители акмеизма создали травелоги различных видов, коррелирующие не только друг с другом, но и со всей традицией мировой литературы – в таком смысле литературные путешествия Гумилева, Мандельштама и Ахматовой не только не повторяют друг друга, но и составляют своего рода «каталог» путешествий, в котором реализованы все возможные виды воплощения семантического комплекса литературного путешествия;

во-вторых, тем, что в акмеистическом путешествии значимым становится вектор движения в пространстве «тоски по мировой культуре»: путешествие совершается в целях приобщения к некоему культурно значимому пространству;

в-третьих, отсутствием обобщающих трудов, в которых было бы соединено рассмотрение травелога как явления с особенностями акмеизма и – шире – русской поэзии и прозы начала XX века.

Вместе с тем, мы не можем не указать на важнейшие достижения в области изучения феномена литературного путешествия в творчестве различных авторов, а также в области анализа акмеизма в целом и его отдельных представителей – в частности. Особую значимость для настоящего исследования имеют коллективный труд «Беглые взгляды», посвященный русским травелогам начала XX века, работы Е.Р. Пономарева, А.А. Майга, А.Б. Темирболат, С.Т. Золяна, М.Ю. Лотмана и др. о путешествии в литературе, а также труды, косвенно касающиеся поэтики странствий в акмеистическом дискурсе – Е.Ю. Раскиной, Е.Ю. Куликовой, Е.В. Меркель, Основные положения перечисленных работ имеют для нас историко-литературную и методологическую ценность.

Изучение литературного путешествия актуально и с теоретической точки зрения. Во-первых, история травелога как жанра отталкивается, главным образом, от крупных произведений, представляющих собой поэтическое или прозаическое описание странствий. В рамках данного исследования выделяется не только жанр литературного путешествия как таковой, но рассматривается также и комплекс мотивов, связанных с путешествием, и путешествие как семиотическая функция текста, что позволяет расширить поле изучения литературного путешествия.

Во-вторых, акмеизм как литературное течение ранее не рассматривался в

контексте темы путешествий: указанные выше работы посвящены пространству в творчестве акмеистов, и путешествие затронуто в них лишь как второстепенный момент – перемещение в пространстве. Между тем, именно путешествие оказывается своего рода диагностическим контекстом для разграничения стратегии трех крупных поэтов, «вышедших» из школы акмеизма.

Акмеизм как литературная школа возник не только в противопоставлении себя символизму: отталкиваясь от крупнейшего течения в литературе и отчасти полемизируя с ним, основатели акмеизма выделили ряд базовых положений своего мировоззрения, находящего отражение в литературных произведениях. Акмеисты позиционировали себя как литературное течение, вбирающее лучшее из мирового культурного наследия, некий синтез традиций прошлого – в этом акмеизм противопоставлял себя другим литературным течениям, например, футуризму, декларировавшему категорический отказ от традиций и наследия прошлого. Переосмысление мировой культуры и ее важнейших универсалий, безусловно, не могло остаться в стороне от феномена путешествия как константы мировой литературы и устойчивого семантического комплекса.

Акмеисты обращались к конкретике – зримым и осязаемым городам, странам, явлениям, вещам, которые существуют, живут. Оппозиция существованию – несуществованию стала краеугольным камнем в полемике акмеистов с символистами: и Н.С. Гумилев, и О.Э. Мандельштам в своих программных статьях подчеркивали важность реальности, бытийности как самоценного явления. Вещь, явление, человек интересуют акмеистов как таковые, а не как отпечатки эйдосов – отсюда и интерес к путешествию как собирательству, осязанию необычных предметов, новой, отличной от привычной реальности. В произведениях акмеистов акцентируются ощущения, вкусы, запахи, имеющие отнюдь не символический, а вполне конкретный смысл. Впечатления путешественника как познание новой реальности укладываются в эту философию и заслуживают пристального внимания. В такой системе координат путешествие становится методом «одомашнивания» мира, притяжения его в свою орбиту, что достигается не только за счет притяжения/вовлечения конкретных вещей в существование путешественника, но и за счет аккумуляции впечатлений, совокупности познания не «ино-бытия», а просто «иноного бытия» – другого уклада жизни, другого мира, устроенного по иным правилам, но от этого не менее интересного и прекрасного. Исследование мира приобретает весьма важный смысл и становится интересным не только как константа мировой культуры, но и как реализация принципиальных цеховых установок акмеизма как литературной школы.

Для Н.С. Гумилева между поэтом и путешественником фактически ставился знак равенства – поэт позиционировал себя как первооткрывателя и конкистадора, туземного военачальника и скрупулезного этнографа. Среди русских поэтов он является первым «профессиональным» путешественником, что приводит к ассоциированию литературного путешествия в акмеизме, прежде всего, с его творчеством. О.Э. Мандельштаму ближе развитие «вглубь»: его поэтические и прозаические размышления посвящены не только географическим объектам, но в первую очередь ощущениям, впечатлениям, переживаниям. В творческом наследии А. Ахматовой нет крупных травелогов, что признается сигнификативным, значимым, и рассматривается в контексте поэтического диалога и реплик-«ответов» на путешествия Гумилева и – частично – Мандельштама.

Для практических задач данного исследования необходимо выбрать адекватные исследовательские алгоритмы, что обуславливает необходимость структурного

вычленения двух разделов теоретической главы – анализа жанровой и мотивной структуры литературного путешествия, а также очерка эволюции литературного путешествия от античности до начала XX века – и трех практических глав, посвященных, соответственно, Гумилеву, Мандельштаму и Ахматовой. В теоретической части работы проанализированы имеющиеся подходы к проблеме литературного путешествия, разработан необходимый методологический инструментарий анализа травелогов, а также показана периодичность эволюции путешествия в зависимости от доминирующего в обществе «риторического» или «научного» идеала (С.С. Аверинцев) и ведущего типа словесности (Ю.В. Рождественский). Хронологические границы античности, Средневековья, Возрождения, Просвещения, Нового Времени четко маркируют преобладание различных типов травелогов и появление смешанных типов.

В качестве объекта изучения в первую очередь отобраны те стихотворные и прозаические тексты, в которых имеется семантический комплекс путешествия. К рассмотрению привлечены также авторские переводы стихов зарубежных авторов (в творческом наследии А.А. Ахматовой), в которых установлена связь с комплексом мотивов литературного путешествия. В данном случае анализируются авторские новации, внесенные именно при переводе, что подтверждено данными о грамматике языка оригинала.

Хронологически рамки исследования превосходят рамки существования акмеизма как литературного течения: между самыми ранними стихотворениями Н.С. Гумилева о путешествиях из его первого сборника «Путь конквистадоров» и наиболее поздними произведениями А.А. Ахматовой середины 1960-х годов – более полувека. Отдавая себе отчет в том, что поэты, пережившие социальные потрясения и творившие в русле советской литературы (скорее как противопоставляющие себя официальному течению при постоянной критике и давлении), во многом пересмотрели свои художественные и творческие принципы. Однако Гумилев, Мандельштам и Ахматова остаются не только наиболее значимыми представителями акмеизма как литературного течения – они являются еще и близкими людьми, друзьями и – в случае Ахматовой и Гумилева – членами семьи, которые вели не только поэтический и литературный, но и личный диалог.

Объект исследования может быть определен как стихотворные и прозаические тексты Н.С. Гумилева, О.Э. Мандельштама и А.А. Ахматовой, в которых реализуется семантический комплекс путешествия, странствия.

За границами исследования остаются тексты «малых» акмеистов – таких, как В.И. Нарбут, М.А. Зенкевич, С.М. Городецкий и другие, а также произведения окружавших Гумилева молодых поэтов, к которым в начале XX века приклеилось меткое прозвище «гумилята». Мы останавливаемся на весьма показательных именах и достаточно репрезентативных произведениях, объем которых в целом вполне отвечает верификационным критериям достоверности полученных результатов.

Предмет исследования – пути и формы воплощения семантического комплекса путешествия в стихотворных и прозаических текстах Н.С. Гумилева, О.Э. Мандельштама и А.А. Ахматовой.

Наша **гипотеза** состоит в том, что семантический комплекс «путешествия» в дискурсе акмеизма является отражением цеховой установки литературной школы на «тоску по мировой культуре» и, воплощаясь в моделях странствия, паломничества, прогулки в творческом наследии Н. Гумилева, О. Мандельштама, А. Ахматовой, порождает эстетическую стратегию создания

травелогического кода мировой культуры.

Цель предпринятого исследования – выявить семантические закономерности воплощения феномена путешествия в дискурсе акмеизма.

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть теоретические аспекты воплощения феномена путешествия в литературе в жанровом, мотивном, сюжетном и образном статусах;
- 2) создать типологию литературных путешествий, используя в качестве таксономической основы различные критерии и подходы;
- 3) определить объем понятия семантического комплекса литературного путешествия в свете цеховых установок акмеизма;
- 4) описать особенности литературного травелога в творчестве Николая Гумилева;
- 5) проанализировать формы и способы реализации семантического комплекса путешествия в творчестве Осипа Мандельштама;
- 6) выявить специфику преломления травелогического кода в картине мира Анны Ахматовой;
- 7) на этом основании вычленить функции литературного путешествия в акмеистическом дискурсе, обосновать функции литературного путешествия в акмеизме и показать его глубокую связь с путешествиями и произведениями разных эпох.

Методологическая основа. Теоретической базой диссертации послужили труды теоретиков литературы и исследователей семантического комплекса путешествия С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, Д. Буркхарт, А.Н. Веселовского, Ф. Гёблера, В.М. Гуминского, Г.С. Кубатьяна, Дж. Лакоффа, Е.Р. Пономарева, Л.А. Романчук, И.В. Силантьева, Д.В. Соколовой, Ф.Б. Успенского, О.М. Фрейденберг, ведущих акмеистов Г.Г. Амелина, Т.Н. Бреевой, С.В. Бурдиной, М.Л. Гаспарова, Ю.В. Зобнина, Е.Ю. Кармаловой, Л.Г. Кихней, Т.С. Кругловой, Е.Ю. Куликовой, О.А. Лекманова, Е.В. Меркель, Б.А. Минц, Л.Г. Пановой, Т.А. Пахарева, Р. Пшыбыльского, Е.Ю. Раскиной, Р.Д. Тименчика, а также ряда других теоретиков (разрабатывающих жанровые аспекты литературы и литературного путешествия) и историков литературы (специалистов по Серебряному веку).

Выбор **методологических оснований** исследования предполагает использование комплексного подхода, включающего, в частности, принципы *системно-типологического, сравнительно-исторического, культурно-исторического и структурно-семиотического методов*. По мере необходимости применялись также другие техники и приемы рассмотрения художественного текста (*интертекстуальный анализ, ритуально-мифологическая и герменевтическая интерпретация, биографический комментарий*).

Новизна предпринятого исследования связана с необычным ракурсом рассмотрения акмеизма и литературного путешествия. Предпринятый анализ позволил впервые:

- 1) продемонстрировать специфику литературного путешествия не только в разные эпохи и в разных исторических обстоятельствах, но и в рамках конкретной литературной школы, эксплицитно обращавшейся к культурным и историческим аллюзиям и к сокровищнице мировой культуры;
- 2) выявить особенности *жанрового, мотивного и семиотического* воплощения литературного путешествия не только в творчестве акмеистов, но и в истории литературы в целом, рассматривая эти особенности не как эволюцию, но как

экстенсивное, эманационное развитие – от центра (литературного путешествия как жанра) к периферии (обращении к литературному путешествию как к устойчивому комплексу мотивов);

3) показать, что именно литературное путешествие является «диагностическим контекстом» для четкого разграничения творческих установок трех наиболее заметных и значимых русских поэтов-акмеистов, продемонстрировать, что понимание ими литературного путешествия глубоко связано, с одной стороны, с их жизненными принципами, творческими установками и особенностями личной судьбы, с другой стороны – с историей мировой культуры и литературы;

4) обнаружить связь и взаимозависимость форм воплощения литературного путешествия от исторических условий, теоретических предпосылок развития литературной школы, личного опыта того или иного творца и его самоидентификации «в присутствии» других литературных традиций;

5) указать закономерности изменения литературного путешествия как в структурном, так и в содержательном отношении, стратегии и тактики трансформации этой константной темы мировой литературы и эволюции содержания, формы и жанрового канона в зависимости от истории и географии создания путешествия и коммуникативных установок его автора.

Теоретическая и методологическая ценность диссертации обусловлена тем, что методика анализа литературного путешествия, использованная в данном исследовании, может быть распространена на другие «темы-константы» мировой литературы и воплощение их в конкретном литературном течении, школе или эпохе. Основные положения диссертации могут использоваться в трудах, посвященных изучению не только русской поэзии, но и в целом вопросам сравнительного литературоведения, что откроет перспективу сравнительных исследований и возможности проследить эволюцию других значимых комплексов мотивов.

Практическая значимость работы. Ключевые положения и выводы диссертации могут быть использованы в курсах по истории и теории литературы, сравнительного литературоведения, при разработке спецкурсов по поэзии Серебряного века в высшей и средней школе, в частности, посвященных поэтам акмеизма.

Положения, выносимые на защиту:

1. Путешествие (странствие, скитание) – одна из семиотических констант мировой культуры, обращение к семантическому комплексу путешествия присутствует во всех литературных эпохах и художественных направлениях. Именно в травелогах отражались изменения в познаниях человечества о мире, их развитие и эволюция. Литературное путешествие может использоваться как один из надежных критериев, свидетельствующих о смене эпох и культурных парадигм.

2. Классификацию литературных путешествий целесообразно проводить по нескольким основаниям, среди которых вычлняются жанрово-тематические, структурно-семантические, мотивно-образные параметры. Кроме того, предложены и иные параметры классификации: по модальности (реальные и вымышленные), целеустановке (добровольные и вынужденные), типологии сюжета (паломничества, открытие новых земель, военные походы и пр.), типу героя-путешественника (рыцарь, завоеватель, изгнанник, беглец и пр.). Выделенные параметры создают перекрестную систему координат, позволяющих индивидуализировать каждый тип путешествия и выявить наиболее существенные (архетипические) составляющие путешествия как на каждом этапе литературного развития, так и в творчестве того

или иного автора.

3. В жанровом и структурно-семантическом отношении литературное путешествие получает многообразные воплощения, варьирующиеся от собственно путевого дневника, путешествия как жанра (в том числе лирического путешествия) до путешествия как лейтмотива, вставного фрагмента, средства создания интерсубъектного или межкультурного диалога. Анализ истории путешествий в мировой литературе позволяет выявить две основополагающих оппозиции. Во-первых, путешествие как жанр (жанровый цикл), жанрообразующим началом которого является травелогический сюжет, предполагающий перемещение героя в географическом пространстве и изложение произошедших с ним событий.

Во-вторых, путешествие как комплекс мотивов, связанных не столько причинно-следственными, сколько ассоциативными связями. В жанровой структуре путешествия как жанра существует антиномия двух противоположных, но внутренне неразрывно связанных мотивов – «чудесного» путешествия, цель которого, в первую очередь, продемонстрировать диковинные виды необычных стран, и «дидактического» путешествия, которое, в свою очередь, имело аллегорический смысл и должно было поведать о поучительных историях.

4. К началу XX века в мировой литературе были представлены все основные виды литературных путешествий и составляющих их оппозиций. Акмеизм, который как литературное направление подчеркивал свою связь с мировой культурой, подразумевал обращение к ее основным архетипам. Путешествие в числе этих архетипов получило яркое воплощение в творчестве трех крупнейших поэтов акмеизма. Н.С. Гумилев, О.Э. Мандельштам, А.А. Ахматова создали обширный метатекст путешествий, среди которых представлены структурно-семантические типы путешествий, как укорененные в мировой литературной традиции, так и инновационные.

5. Семантический комплекс путешествия в акмеизме наиболее полно и разнообразно представлен в поэтическом и прозаическом творчестве Н.С. Гумилева, который позиционировал себя не только как основателя акмеизма, но и как прославленного путешественника. В его творчестве выявлен значительный корпус реальных (а не вымышленных) путешествий, добровольных (а не вынужденных). По типологии сюжета вычлениаются путешествия-открытия новых земель (восходящие к травелогам Марко Поло и Афанасия Никитина); военные походы и, в меньшей мере, туристические вояжи. Выявленной сюжетике соответствует и тип лирического героя-путешественника (конквистадора, пассионария-открывателя новых земель, воина, туриста и т.п.).

6. В жанровом отношении травелоги Гумилева представляют собой путевые очерки и путевые дневники (в прозе) и лирические путевые зарисовки, чаще всего собранные в циклы. К последним, прежде всего, следует отнести обширный цикл стихотворений, посвященных Африке. На втором месте после Африки следует «итальянский» цикл, затем – «скандинавские», «восточные» и «русские» лирические путешествия. При этом каждый географический цикл имеет и структурообразующую константу. Поздние стихотворения «Огненного столпа», содержащие семантический комплекс путешествия, синтезируют «травелогические» стратегии, использованные поэтом ранее, и в то же время включают в себя мистические (духовно-визионерские) путешествия, зачастую отсылающие к архетипам мировой культуры.

7. О.Э. Мандельштам, создавая свои травелоги, фактически

противопоставлял себя Н.С. Гумилеву. Прежде всего, он отказывает себе в географическом и личном плане в праве на «путешествия конкистадора» – Гумилев считал себя первооткрывателем (и применительно к Африке во многом действительно таковым являлся), Мандельштам путешествовал по таким местам, в которых трудно было бы назвать себя первооткрывателем. Его путешествия в Европу, в Крым, в Армению не были движением первооткрывателя – напротив, Мандельштам видел истинную ценность этих поездок в новизне взгляда на культурно освоенную территорию и в погружении в историческое, мифологическое и аллегорическое пространство.

8. В жанровом плане О.С. Мандельштам разрабатывал жанр «аллегорического путешествия», близкого по типологии к травелогам Вольтера, Рабле, отчасти – Сервантеса. Его лирические путешествия и прозаические путевые очерки не только содержат в себе впечатления путешественника, но и наделены неким скрытым, закодированным смыслом, нуждающимся в разгадке. Применительно к стихам и очеркам о Крыме и Армении вводится термин «криптопутешествие» – погружение в историческо-мифологическое и геосимволическое пространство, которое подлежит разгадке.

9. В концептуально-смысловом плане путешествия Мандельштама представляют собой, с одной стороны, бегство от советских реалий, от бытовых и социальных трудностей, своего рода «внутреннюю эмиграцию» в пределах границ одной страны. Еще сильнее в этих путешествиях мотив духовной эмиграции: противопоставляя себя «советским» травелогам, Мандельштам предпринимает вояж к истокам, к древностям мировой культуры – Крым для него является территорией, где безраздельно властвует античность, Армения – территория одного из самых древних индоевропейских языков, а также земля, хранящая древнюю христианскую архитектуру. В силу общественно-исторических и биографических обстоятельств в творчестве Мандельштама последних лет возникает травелогический лейтмотив изгнанничества, ссылки – то есть недобровольных, вынужденных странствий.

10. География реальных путешествий А.А. Ахматовой сопоставима со странствиями О.Э. Мандельштама, однако с самых первых вояжей она явно отказывается писать травелоги в общепринятом жанровом понимании этого термина. У нее отсутствуют путевые впечатления, заметки о посещенных городах, зарисовки экзотических геопро пространств (как у Гумилева) или геософские и мифопоэтические отсылки (как в «Путешествии в Армению» Мандельштама) и прочие типичные способы воплощения травелога в литературе. В творчестве Ахматовой возникают три новые модели литературного путешествия: а) «минус-путешествие» (несостоявшееся путешествие, предполагавшееся, но не случившееся, характерное для раннего периода творчества); б) «медитативное путешествие» (в духе Л. Стерна), когда описывается не само путешествие, а та причудливая вязь ассоциаций, воспоминаний и мыслеобразов, которое это путешествие вызывает; в) и наконец, мистическое (духовидческое) путешествие (в духе путешествия Данте в «Божественной комедии» или Гумилева в «Огненном столпе») во времени и пространстве, получившее наиболее полное выражение в поздней лирике и поэмах.

11. В произведениях А.А. Ахматовой семантический комплекс путешествия реализуется также через поэтический диалог с Гумилевым и Мандельштамом, а именно – через апелляцию к их произведениям, посредством аллюзий, реминисценций и всякого рода коммуникативных отсылок. Ахматовские «обмены репликами» с собратьями по литературному «цеху» зачастую разделены годами и

десятилетиями. Так, обращение к мотиву путешествия-изгнанничества, ссылки часто связано с образом Мандельштама, равно как и «архетипического» изгнанника мировой литературы, Данте Алигьери. Тема путешествия-ухода, покидания часто связана с образом Гумилева и подразумевает поэтический диалог с ним. В стихотворениях также часто присутствует обращение и к другим друзьям и близким людям Ахматовой – Анрепу, Недоброву, Гаршину и др., чьи образы так или иначе связываются для нее с семантикой путешествия.

12. Одной из важнейших особенностей воплощения образно- мотивного комплекса путешествий в акмеистическом дискурсе является интенсивная рецептивная стратегия, благодаря которой акмеистические травелоги изобилуют диалогическими отсылками как к мировому, так и к внутрицеховому семантическому и жанровому опыту. В этом плане особенно значимы поздние поэмы Анны Ахматовой («Путем вся земля» и «Поэма без героя»), каждая из которых представляет собой путешествие по «волнам памяти» – лично-биографической, эпохально-исторической и культурно-мифологической.

Апробация работы. Научные положения и результаты исследования апробированы в докладах на следующих международных и всероссийских конференциях: «Третьи Грибоедовские чтения». Всероссийская научная конференция молодых ученых (Москва, ИМПЭ имени А.С. Грибоедова, 21- 22 апреля 2014); VII Международный научный конгресс исследователей мировой литературы и культуры «Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций» (Республика Крым, Симферополь КФУ им. В.И. Вернадского, 8–12 сентября 2016), «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)» V Международная научная конференция (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 8–9 декабря 2016); «Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере». Международная научно-практическая конференция (Москва, 11 декабря 2016 г.); «Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере». II и III Международная научно- практическая конференция. (Пенза, 27-28 марта 2017; 5 октября 2017); «Геокультурное пространство: смарт-технологии в образовании и социум» IX Международный форум в реальном и виртуальном режиме (Батуми, Батумский государственный университет им. Шота Руставели, 30 июня - 5 июля 2017 г.); «Грибоедовские чтения-2017». Всероссийская конференция молодых ученых-филологов (студентов, аспирантов, докторантов) (Москва, ИМПЭ имени А.С. Грибоедова, 10-11 мая 2017); «Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы». Международная научно-практическая конференция. (Стерлитамак, 2017).

Структура диссертации. Работа состоит из **введения, четырех глав** (которые в свою очередь делятся на параграфы); **заключения, списка литературы**, включающего 311 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается выбор темы диссертационного исследования, определяются его цели, задачи, разрабатывается методология исследования, формулируется его научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В 1-й главе («К ТЕОРИИ, ИСТОРИИ И ТИПОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ») выстраивается и подтверждается мысль, что литературное путешествие имеет более чем двухтысячелетнюю историю, и за это

время оно претерпело значительные изменения. Литературное путешествие целесообразно рассматривать как семантический комплекс, который проявляется: 1) в виде жанровых структур (включающих сюжетно-тематическую и хронотопическую основу); 2) в виде совокупности мотивов, играющих различные роли в произведениях (морально-философские, образно-характерологические, символично-метафорические и пр.). Специфика художественного времени и пространства в литературных путешествиях заключается в том, что отсутствует прямая связь между временной длительностью и пространственной протяженностью, с одной стороны, и качеством полученного опыта и произошедших с героем духовных метаморфоз – с другой. Путешествие в литературе не всегда значимо географически: часто прошедший в путешествии отрезок времени сам по себе незначителен и проделанный путь недолог, но духовные перемены в главном герое вынуждают его ощущать этот период своей жизни как чрезвычайно значимый и насыщенный.

В параграфе *1.1. Литературное путешествие как семантический комплекс* подчеркивается, что практика использования мотива путешествия в мировой литературе чрезвычайно разнообразна: от первых эпосов до новейших произведений перемещения героев выступают в качестве идейно-тематической и сюжетно-композиционной основы и позволяют соединять микросюжеты в единое целое. В целях осмысления и систематизации многообразия форм и жанров воплощения литературного путешествия в работе введено понятие *семантического комплекса путешествия*, под которым подразумевается мотивное и образное единство, связанное с центральной идеей перемещения и трансформации и получающее воплощение в различных жанровых и текстовых формах.

Жанр литературного путешествия – «скитания», «хождения», «письма путешественника», «путевые записки» и иных форм изложения впечатлений от путешествия является одним из самых распространенных в мировой литературе. Один из авторитетных специалистов-трапеологов, В.М. Гуминский, определяет жанр путешествия как «литературный жанр, в основе которого описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь, незнакомых или малоизвестных странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников (журналов), очерков, мемуаров...» (Гуминский В.М. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987. С. 34).

Литературное путешествие может соответствовать реально совершенному либо кардинально отличаться от него. Вслед за А.М. Эткиндоном предлагается опираться на термин «травелог», соединяющий в себе travel (путешествие) и logos как «слово о путешествии». Л.Г. Кихней в рамках определения термина «жанр» выделяет четыре концепции как основные: формалистская, содержательно-типологическая, миромоделирующая и генетическая. Как отмечает Л.Г. Кихней, «миромоделирующая модель жанра ценна в методологическом плане, ибо позволяет учесть сразу несколько жанрообразующих факторов. Особенно она продуктивно «работает» на эпическом материале, там, где действительно автор художественно воссоздает «картину мира» (Кихней Л.Г. К герменевтике жанра в лирике // Герменевтика литературных жанров / Под ред. проф. В.М. Головки. Ставрополь, 2007. С.37).

Если рассматривать жанр в динамике, то границы определенного жанра могут быть определены только генетически: так, от эпического путешествия Одиссея до скитаний джойсовского Улисса прошла целая эпоха, изменившая жанр путешествия практически до неузнаваемости. А.Н. Веселовский возводил историю жанра к

различным обрядам и играм, упоминая о сходстве жанров с так называемыми «первообразами» античной культуры. В мировой литературе немало примеров путевого дневника, превзошедшего свои масштабы. Но на один дневник Марко Поло или Афанасия Никитина приходится несколько сотен тысяч дневников, не получивших известности в литературе и интересных только как этнографический и антропологический материал. Вымышленные путешествия зачастую имеют аллегорический смысл, связанный с историческими и политическими реалиями современности – как главы, посвященные путешествию, в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Рабле, «Путь паломника» Бенъяна и даже «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо.

В качестве ведущих мотивов, формирующих устойчивый семантический комплекс путешествия, выделены мотив душевной трансформации героя в ходе путешествия, мотив социальной трансформации героя, обусловленной перемещением во времени и накоплением жизненного опыта, мотив антитезы героя-путешественника герою-домоседу, мотив артефакта как свидетельства о путешествии.

В поэтическом и прозаическом наследии акмеистов наличествуют самые разные варианты литературных путешествий – от поэтического травелога, написанного по впечатлениям от реального путешествия до атомарного мотива путешествия, упомянутого в строке стихотворения. В связи с этим представляется целесообразным ввести термин «литературное путешествие», который позволит охватить комплекс явлений, связанный с этими произведениями, и описать различные варианты реализации мотива и жанра путешествия. Мотив путешествия вызывает к жизни целый комплекс других мотивов.

В параграфе *1.2. «Типология литературных путешествий»* рассматриваются различные подходы к классификации травелогов В.М. Русакова, А.Ю. Сорочана, А. Бондаревой, Е. Р. Пономарева и др. С учетом изложенных перечисленными авторами теоретических соображений в настоящем исследовании разработана классификация, опирающаяся на понимание путешествия как семантического комплекса и культурной универсалии.

Весьма значимой оппозицией для вектора путешествия является направление «к культуре» или «к природе». Образ города, поселка, континента в литературном путешествии рассматривается в работе как *культуроним*. В ряде случаев вектор путешествия включает в себя географическую оппозицию – например, в путешествии может быть задействовано противопоставление Востока и Запада как двух разных миров, климатически и культурно различающихся Севера и Юга и пр.

Понимание путешествия как семантического комплекса и культурной универсалии позволило разработать классификацию литературных путешествий, в которой учтены «внешние» и «внутренние» параметры. С точки зрения «внешних» признаков семантический комплекс литературного путешествия выступает в различных жанровых и структурных статусах: как отдельный жанр, как поджанровая разновидность других жанров (эпической поэмы, лироэпической поэмы, романа, очерка, фольклорной и литературной сказки), как составная часть произведения, как организующая идея, мотивная / лейтмотивная основа, сюжетный и/или композиционный стержень литературного произведения. Среди «внутренних» признаков, определяющих тип путешествия, важнейшим следует признать его взаимоотношения с реальностью (реальные и вымышленные путешествия) и тип целеустановки (добровольные и вынужденные путешествия). Тип путешествия определяет и тип путешественника – это может быть паломник, изгнанник, воин,

исследователь, просветитель, наблюдатель, искатель приключений, странствующий рыцарь.

Выделение путешествия как семантического комплекса позволяет рассматривать в контексте путешествия различные произведения. В поэтическом и прозаическом наследии акмеистов присутствуют самые разные варианты литературных путешествий – от поэтического травелога, написанного по впечатлениям от реального путешествия до атомарного мотива путешествия, упомянутого в строке стихотворения. В литературной школе акмеизма путешествие приобрело особое значение, став своего рода «маркером» акмеистического интереса к мировой культуре. Выявление жанровых разновидностей, типологии героев, хронологической организации произведений, реализующих семантический комплекс путешествия в наследии акмеизма, целесообразно осуществить на материале творчества ведущих представителей школы Н.С. Гумилева, О.Э. Мандельштама и А.А. Ахматовой.

Во 2-й главе («ЛИТЕРАТУРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ГУМИЛЕВА») рассматриваются травелоги основателя акмеизма. В параграфе **2.1. *Философия путешествия в творческом сознании Н.С. Гумилева и своеобразие ее мотивно-жанрового воплощения*** отмечается, что комплекс мотивов, связанных с путешествием, является центральной темой в творчестве Н.С. Гумилева. Важность мотива пути, перехода, движения в лирических, прозаических и драматических произведениях поэта подчеркивается в исследованиях Л.Г. Кихней, Ю.В. Зобнина, Е.Ю. Раскиной, А.А. Кулагиной, Е.В. Меркель, Е.Г. Раздьяконовой, Е.Ю. Кармаловой, О.В. Панкратовой, П.В. Паздникова. В работах перечисленных авторов показано, что лирический герой Гумилева – пассионарий, открыватель новых земель. При этом речь не всегда идет о физическом путешествии в ту или иную страну, в передвижениях героя гораздо важнее мистическое, духовное измерение: по терминологии Е.Ю. Раскиной (Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева: Автореферат дисс. ... д.ф.н. М., 2008), география перерастает в геософию – описание сакральных географических объектов. Ю.В. Зобнин видит в теме путешествий, прежде всего, бегство от цивилизации – вектор главных путешествий Гумилева предполагал движение «от культуры», это «символический акт капитуляции человеческой воли перед «телесной усталостью» (Зобнин Ю.В. Николай Гумилев – поэт православия // Электронный ресурс: <https://gumilev.ru/about/57/>), Е.Ю. Кармалова и Е.В. Меркель рассматривают духовную природу путешествий Н.С. Гумилева. Близость его путешествий к романтическому бегству от реальности подчеркивают А.А. Кулагина, Ю.В. Зобнин, Е.Г. Раздьяконова.

Первый сборник произведений Гумилева открывается стихотворением, в котором авторская маска сразу же задает образ путешественника, конквистадора, дающего название первому сборнику «Путь конквистадоров». Гумилев чувствует себя первооткрывателем – особенно в стихах, посвященных Африке. Так, Судан предстает в стихах гигантским ребенком, очертания Абиссинии на карте напоминают поэту спящую львицу. Каждая страна в представлении Гумилева – это некий целостный образ, который необходимо раскрыть. Стихотворения, в которых использован мотив путешествия, целесообразно разделить на две больших группы, которые условно можно назвать «новеллами» и «образами»

В параграфе **2.2. *Семантический комплекс туристического путешествия в стихотворениях Н.С. Гумилева: погружение в культуру*** анализируются произведения, вдохновленные Италией, – стихотворения «Венеция», «Фра Беато

Анджелико», «Пиза», «Рим», «Падуанский собор», «Генуя», «Болонья», «Неаполь», «Вилла Боргезе», «Флоренция». Причем, в стихотворениях Н.С. Гумилева топонимы превращаются в «культуронимы. Ключевым понятием для цикла «итальянских» стихотворений Гумилева можно признать понятие времени: от сиюминутного времени (день, вечер, утро, ночь) к вечному (воспоминания об истории города) через конкретные детали, прецедентные имена и феномены.

В параграфе **2.3. Путешествие – открытие в стихотворениях Н.С. Гумилева: погружение в природу и историю** показано, что в композиции стихотворений «африканского» цикла ведущим также является реальное или воображаемое путешествие, автор вводит в текст множество конкретных деталей, топонимов и антропонимов. Так, в стихотворениях, посвященных Африке, нередко используется диалог: «Над тростником медлительного Нила...» («Гиена»), «Невеста льва», «Носорог», «Ягуар», «Носорог». Африка в течение всей жизни поэта оставалась и важнейшей точкой притяжения его путешествий, и центральным мотивом поэзии: Большинство стихотворений, посвященных «африканской» теме, воплощает тип путешествия-открытия, путешествия-открытия, путешествия-завоевания, путешествия-поиска.

Полученные по различным «географическим» циклам в творчестве Н.С. Гумилева смысловые доминанты позволяют предположить, что автор связывал с конкретным регионом (Россией, Италией, Скандинавией, Африкой) определенную «матрицу», которая в дальнейшем реализовалась в большинстве стихотворений. В эту «матрицу» Н.С. Гумилев встраивал свои впечатления от конкретного города или достопримечательности, заполняя пробелы между обязательными вехами конкретными деталями. В «итальянском» цикле матрица достаточно строгая, включающая четыре обязательных пункта, а в «африканском» и «скандинавском» циклах можно говорить скорее об определенной смысловой доминанте – о том мотиве или композиционном приеме, который присутствует в каждом стихотворении цикла или в подавляющем большинстве, в том числе и в прозаическом «Африканском дневнике».

Для Гумилева путешествие было значимо как факт личной и творческой биографии. Его самоидентификация была связана с путешествиями, он видел себя первооткрывателем, пионером, этнографом, который посещает экзотические страны и рассказывает о них. В этом смысле он является духовным наследником таких авторов, как Марко Поло или Афанасий Никитин, открывших европейцам Китай и Индию. У Африки до сих пор не было такого «певца», и Гумилев избрал Африку как основное место своих путешествий: несмотря на наличие в его творчестве стихотворений, связанных с Италией, Скандинавией, Китаем, наиболее значимым его вкладом в литературное путешествие следует признать именно описание Африки, куда он совершил три (по некоторым данным – четыре) путешествия. Путешествие в Африку было «главным путешествием» Гумилева.

В параграфе **2.4. Путешествия – духовные визионерства: погружение в мифологию и историософию** отмечается, что в стихотворениях и поэмах Н.С. Гумилева представлены практически все типы «добровольного» путешествия: путешествие-открытие и путешествие-поиск («африканские» стихи), путешествие-завоевание («Африканская ночь», «Наступление»), путешествие-туристическая поездка («итальянские» стихи) и путешествие-паломничество («Паломник»).

Стихотворения Гумилева, посвященные реальным и воображаемым путешествиям, можно разделить на несколько тематических циклов: «итальянский»,

«российский», «скандинавский», «китайский» и самый обширный «африканский». Каждый цикл имеет свою смысловую матрицу. В «итальянском», «африканском» и «русском» циклах присутствуют произведения, отступающие от общей канвы: это так называемые стихи-«новеллы». К «новеллам» следует отнести лиро-эпические произведения, имеющие четкий сюжет: автор рассказывает историю, делая ее главным действующим лицом представителя той или иной страны. Особенно много «новеллистической» лирики в африканских стихотворениях: начиная с самых ранних сборников, лирический герой примерял на себя маски африканской женщины («Озеро Чад»), рассказчика легенд («Абиссинские песни») и пр.

Для «итальянского» цикла характерна наиболее «жесткая» структура: стихотворение начинается с упоминания времени суток, когда читатель глазами автора смотрит на город, затем картина детализируется, дополняется конкретными подробностями, среди которых выделяется отсылка к историческому прошлому города или культурного объекта. Далее автор обращается к высшим силам или потусторонним существам, завершая произведение обращением к Богу, дьяволу, призракам и пр.

Для «скандинавского», «африканского» и «китайского» цикла нехарактерны матричные структуры стихотворений: в данном случае можно говорить скорее о доминирующем мотиве. Так, в стихотворениях, посвященных Скандинавии (Швеции и Норвегии), выделяется риторический вопрос, часто обращенный к описываемому краю. Для «китайского» цикла характерен мотив обретения спокойствия и душевной гармонии: путешествие в Китай (в реальности не осуществленное автором) мыслится как духовный рост и избавление от невзгод. В отличие от других циклов, «китайские» стихи являются хронологически разрозненными, так как не связаны с конкретной поездкой.

«Российский» цикл имеет менее детализированную матрицу, в которой можно выделить только два обязательных элемента: в начале стихотворения упоминаются координаты места (без конкретного топонима – речь идет о географических привязках типа «у реки», «в лесу» и пр.), а ближе к концу упоминается мотив бреда, морока, головокружения.

Самым обширным в творчестве Н.С. Гумилева является «африканский» цикл: четыре путешествия в Африку и огромный интерес к этому континенту сделали Африку сквозной темой творчества поэта. Для всех стихотворений характерно использование диалогического дискурса. В некоторых стихотворениях адресатом лирического героя является сама Африка или какие-то из ее стран.

Кульминацией не только развития мотива путешествия, но и всего творчества Н.С. Гумилева, следует признать его стихотворение «Заблудившийся трамвай», написанное в 1921 году. В этом стихотворении описывается духовное странствие, повторяющее основные вехи творчества поэта. В нем собраны все структурные элементы, являвшиеся смысловыми доминантами циклов, связанных с темой путешествия: используется диалог, отсылка к истории, заданы пространственные и временные координаты происходящего, наличествует и тема сна-бреда, и риторический вопрос, и мотив облегчения после совершенного духовного путешествия.

3-я глава «ЛИТЕРАТУРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА» посвящена поэтике мандельштамовских травелогов.

В параграфе **3.1. Типология и эволюция травелогических мотивов и образов в поэзии О.Э. Мандельштама: общий очерк** подчеркивается, что О.Э. Мандельштам, в

отличие от Н.С. Гумилева, ездил и путешествовал значительно меньше, и поэтому применительно к его поэзии вводится понятие «литературного путешествия», на что особо указывает Е.Ю. Куликова (Куликова Е.Ю. Пространство и его динамический аспект в лирике акмеистов. – Новосибирск, 2011), говоря о созданных поэтом почти реальных литературных путешествиях к Овидию, А. Данте, Ф. Вийону и др.

Применительно к поэзии Мандельштама представляется обоснованным ввести термин «путешествие-созерцание», предполагающее, что герой либо видит путешествие со стороны, не принимая в нем участия лично, либо «прозревает» в реалиях путешествия, совершаемого им самим, некие исторические и культурные параллели. Однако почти любой вещный образ в творчестве Мандельштама наполнен травелогическим мотивом.

«Путешественническую» биографию Мандельштама можно разделить на три условных периода. В юности, до появления первого сборника стихотворений «Камень» Осип Мандельштам путешествовал по Европе в 1907 – 1908 гг., жил в Париже, посетил Италию и Швейцарию. Впечатления от путешествий юности не получили непосредственного воплощения в стихотворениях, созданных «на злобу дня», по свежим следам поездок, однако впоследствии находили отражение в более поздних стихотворениях. Далее, в 1910-х годах Мандельштам совершал много поездок – в частности, несколько раз бывал в Крыму. Мечта о путешествии в Армению сформировалась к концу 1920-х годов, сама поездка состоялась в 1930 году, и впечатления от нее нашли воплощение в относительно целостном тексте травелога – цикле очерков «Путешествие в Армению» и стихотворениях об Армении.

В стихах нет прямой корреляции с периодизацией его путешествий в жизни. В «Камне» задана тема, ставшая впоследствии у Мандельштама одной из сквозных, – тема путешествия в Рим / из Рима. Впечатления от юношеской поездки в Италию возникают в стихотворениях поэта на протяжении всей его жизни. Первоначально в ранних стихах Осипа Мандельштама был обозначен цикл «Рим» – в 1915 году три стихотворения («О временах простых и грубых...», «Посох» и «На площадь выбежав, свободен...») были опубликованы в «Голосе жизни» под общим подзаголовком «Из цикла «Рим». Образ Рима как синонима истины получил развитие в стихотворениях Мандельштама на протяжении всей его жизни.

Тема единства природы и города полнее всего развита в стихотворении «Поговорим о Риме – дивный град!..», где радуга, пыль, луна – часть того же мира, в котором существуют купола и портики. Эксплицитно такая тождественность выражена в стихотворении «На площадь выбежав...», посвященном не Риму, но Петербургу. Ключом к пониманию «римского» семантического комплекса становится триединство природы, культуры и истории, и в художественное пространство Рима вовлекаются еще два города – Москва и Петербург.

Погружение в античность, прозрение истории становится смысловой доминантой второго сборника “Tristia” – даже в ситуации, когда автор обращается к реально совершенной им поездке, исторические ассоциации вытесняют реальный контекст передвижения.

Ключ к пониманию путешествия у Мандельштама – образ поиска, «тоски», движения не на плоскости пространства, а в глубине времени. «Статика пространства» противопоставлена динамике времени. У Мандельштама, в отличие, к примеру, от Гумилева, путешествие не так ярко и эксплицитно проявляет себя в стихотворениях, но является как бы «фоном», сквозной темой, проявляющей себя в образах «вещного» мира.

После “Tristia”, до «паузы» в стихах (1925 – 1930 гг.) Мандельштам несколько раз обращается к теме вынужденного путешествия, в частности путешествия-похищения. В стихотворении «С розовой пеной усталости у мягких губ...» поэт описывает похищение Европы быком-Зевсом. В этом стихотворении появляется получивший в дальнейшем развитие в поздних стихотворениях образ мечтаемого, желанного путешествия

Тоскуя по совершенным путешествиям и посещенным ранее городам, Мандельштам вспоминает Тбилиси («Еще он помнит башмаков износ...»), причем в стихотворении явно просматривается аллюзия к «Гамлету» («Башмаков еще не износила...» в переводе Н.А. Полевого) – путешествие на Кавказ было так недавно, что город «помнит башмаков износ».

В стихотворениях Мандельштама представлена эволюция семантического комплекса путешествия, отчасти отражающая реалии жизни поэта и изменение его передвижений. От культурного путешествия, медитации, созерцания, соприкасающегося с реальным путешествием лишь отчасти и представляющего собой погружение в историю и прозрение исторических событий во всех перемещениях Мандельштам переходит к образу путешествия-кошмара, два географических «пункта притяжения» в творчестве Мандельштама описаны не только в стихотворениях, но и в прозе: речь идет о Крыме и об Армении

В параграфе 3.2. *Специфика художественного отражения «крымских путешествий» в стихах и прозе Осипа Мандельштама* анализируются его стихотворные и прозаические произведения «крымского-эллинского цикла» («Феодосия», «Золотистого меда струя из бутылки текла...», «Черепаша» и др.), в котором поэт возвращается к акмеистской поэтике «Камня». Любопытно, что единым знаменателем этого «пучка» восприятий становится образ собаки:

Собака в мировой культуре часто является стражем царства мертвых или проводником на тот свет. Собаки у Мандельштама становятся символом зла, страха, запустения. Причем упоминается не конкретная собака с определенными чертами, а «собаки», «овчарки» либо «запах собаки».

Мандельштаму чужда традиция мировой литературы, связанная с очеловечиванием собаки. У абстрактных, условных собак, лающих на улицах Феодосии в «крымском тексте» Мандельштама, нет имен, они не «друзья человека», хотя одним из полюсов русской поэзии Серебряного века в решении образа собаки является «братание с собакой» («Дай, Джим, на счастье, лапу мне!» Есенина). У Мандельштама своры собак в голодном Крыму – примета всего отталкивающего и страшного. Собаки не упоминаются только в одном тексте «крымского» цикла: «Еще далеко асфodelей...» («Меганом»), и текст этот посвящен путешествию в царство мертвых. В целом в творчестве Мандельштама образу собаки уделяется крайне мало внимания. Слово «собака», помимо «крымского» цикла, встречается только в стихотворении «В таверне воровская шайка...»:

Собака не сопровождает героя в царство мертвых, Мандельштам словно спорит с древней традицией – для него собаки становятся отчетливым, очевидным символом царства живых, но несчастных, измученных страхом и голодом живых. В предпринятом путешествии собаки становятся символом негостеприимства: «сторожа и собаки», «овчарки на дворе» - это грозный страж, не впускающий незваных гостей, от собак хочет спрятаться герой «Старухиной птицы». При этом весь «крымский текст» пронизан аллюзиями к греческой культуре.

В этой культурной парадигме трехголовый (как бы в одном существе составляющий трех собак) пес Цербер не выпускает из царства мертвых мучающиеся там души. В описании царства мертвых «собаки» не упоминаются, они пребывают на границе мира мертвых и мира живых.

Анализируя культурный код собаки в текстах, связанных с Крымом, следует учесть, что путешествие у О.Э. Мандельштама – это практически всегда путешествие не только и не столько в пространстве, сколько во времени. А время совершения этих путешествий – с 1917 по 1933 гг. – обусловило и еще один важнейший аспект восприятия путешествия во времени: в эпоху тотального обновления культуры и презрения к истории путешествие к истокам мировой культуры было важнейшим средством воспоминания и сохранения достояния человечества.

Обобщая, следует сказать, что в предпринятом поэтом путешествии в историю, путешествии в память, пронизанном древнегреческими аллюзиями, в описании города, улиц, как в стихах, так и в прозе постоянно упоминаются собаки, причем всегда во множественном числе и без указания конкретных признаков или клички.

В четырех прозаических произведениях, составляющих цикл «Феодосия», постоянны упоминания о смерти и потустороннем мире. Поездки в Крым отразились в стихах и прозе Мандельштама как путешествие в царство мертвых. Ключом к разгадке этого зашифрованного смысла оказывается образ собаки – точнее, собак, лающей и недружелюбной своры, охраняющей границы этого мира. Таким образом, лирический герой предпринимает вынужденное путешествие-бегство, имеющее в то же время мистический смысл.

«Крымский текст» в прозе отличается также большим количеством упоминаний различных имен собственных: упоминаются имена и фамилии, книги, улицы. Концентрация этих конкретных деталей в четырех феодосийских очерках поражает. Если прочитывать все поездки в Крым через образ царства мертвых, то становится понятна подобная стратегия: автор спасает от забвения людей, сохраняя их имена, подобно «списку кораблей» Гомера или перечислению имен погибших в битве воинов в скандинавских сагах.

Соответственно, смерть в представлении древних греков не была прекращением существования как такового, оно просто меняло свою форму. Этот вариант посмертного бытия также описан в очерках о Крыме. В описании Крыма в прозе у Мандельштама используется мотив «циклизации» времени: не единожды упоминается о том, что города как бы погрузились в свое же собственное прошлое:

В «крымской прозе» Осипа Мандельштама рассыпаны намеки-аллюзии на царство мертвых: помимо ключевого для такого понимания текста образа собаки используются отсылки к образу смерти-сна, смерти-погружения в прошлое и смерти-переселения душ.

В целом, семантический комплекс Крыма в творчестве Мандельштама характеризуется переплетением мотивов, цементирующих этот травелог в единое целое. Путешествие, предпринятое лирическим героем, является путешествием-бегством, при этом реальная составляющая поездки пересекается с мистической.

В параграфе 3.3. *Семантический комплекс «путешествия в Армению» в творчестве Осипа Мандельштама* доказывается, что «Путешествие в Армению» не поддается непосредственному сравнению ни с «Итальянским путешествием» Гете, ни с «Путешествием в Арзрум» Пушкина. Подобно стихотворениям об Армении, «орнаментальная» проза «Путешествия» базируется на полноте кажущихся разрозненными впечатлений, последовательности воспоминаний и культурно-

теоретических рефлексий. В «Путешествии в Армению» динамика затрагивает не только пространство, но и время. Путешествие между временными пластами приводит к формированию сложнейшей структуры текста. Применительно к «Путешествии в Армению» можно говорить об общности мотивов поэтического и прозаического травелога.

Л.Г. Кихней убедительно доказывает, что в таких совпадениях проявляет себя «тождественность природного и культурного кодов, а главное – феноменологическое слияние свойств объективного бытия и сенсорного восприятия» (Кихней Л.Г. Осип Мандельштам: бытие слова. М., 2000. С. 216). Причем, Мандельштам, чтобы доказать их нерасчленимость, показывает сам процесс метафорического стяжения явления и его чувственного восприятия.

Тексты очерков Мандельштама об Армении представляют собой сложное полифонически организованное целое: порой сложно уловить связь между фрагментами текста. Если в случае «римского» семантического комплекса ключ к пониманию смыслового единства лежит на поверхности, а в «крымском» комплексе он зашифрован, но выявляется по ключевому образу, то «армянский» семантический комплекс следует признать еще более замысловатым организованным единством.

В «армянских» впечатлениях поэта обращает на себя внимание обилие цветовой – и цветочной темы. В цветовой гамме преобладают желтый и голубой: причем желтый цвет – охристый оттенок, «глина», несколько раз «хрипая охра», оттенок коричневого «сурик».

Иными словами, цветовая гамма путешествия в Армению – преобладание желто-коричневого цвета (земля) и синего (небо), в редких случаях дополняемого розовым и черным. Анализ цветовой гаммы Армении поясняет, как именно в составе «Путешествия в Армению» оказался очерк «Франсузы», посвященный французским художникам, работавшим в той же сине-охристой цветовой гамме. Не менее важным становится и впечатление слуховое, взаимодействующее с лингвистическим. В «Путешествии в Армению» также описаны ощущения от армянского языка «Где буквы – кузнечные клещи / И каждое слово – скоба».

Очерки в составе «Путешествия в Армению» собраны автором по ассоциативному принципу и не все посвящены непосредственно Армении. Очерки «Москва» и «Ашот Ованесьян», описывающие события, предшествующие самой поездке в Армению, включены в цикл не только как «предисловие» к путешествию, но и как ассоциативное описание впечатлений наблюдателя-слушателя. В «Москве» запечатлено зарождение взаимосвязи концептов в полилоге, в котором сам автор практически не принимает участия: он является как бы сторонним наблюдателем.

Характерно, что лингвистические соображения Мандельштама Ф. Успенский воспринимает как азы всеобъемлющей «поэтической ностратики». Принцип поэтической ностратики – этимологические сближения, приводящие к соединению и общности концептов, – Л.Г. Кихней описывает как «теорию «знакомства слов»» (Кихней Л.Г., Меркель Е.В. Философия слова и поэтическая семантика Осипа Мандельштама. Монография. М., 2013). Сближение слов по созвучию, этимологическим связям и иным принципам получает неожиданное воплощение в поэзии и теоретических работах Мандельштама. Очерки, объединенные общим заголовком «Путешествие в Армению», представлены в «Собрании сочинений» 1994 года в следующем составе: «Севан», «Ашот Ованесьян», «Сухум», «Франсузы», «Вокруг натуралистов», «Аштарак», «Алагез».

Очерк «Севан», открывающий цикл «Путешествие в Армению», представляет собой соединение ряда мотивов, между которыми, на первый взгляд, отсутствует логическая связь. К примеру, смысловой основой очерка «Севан», представляющего собой, на первый взгляд, разрозненный комплекс «кадров», является значимый текст европейской культуры – рассказ Эдгара По.

Можно провести любопытную лингвистическую и литературную параллель. Осип Мандельштам вывел формулу «восприятие местности – восприятие языка». Мандельштам в своих стихотворениях и прозе соединяет два измерения: путешествие по реальному пространству становится в то же время и путешествием по символическому пространству. Осознавая наличие этой литературной традиции, Мандельштам избирает вариант «путешествия – шифра»: в его «крымских» очерках и стихах излагаются не столько географические, сколько человеческие впечатления.

В стихотворениях Мандельштама обращение к мотиву путешествия является константой. Центральными комплексами текстов, связанными с путешествиями, следует считать «римский», «крымский» и «армянский» семантические комплексы. При этом все они имеют достаточно условную связь с предпринятыми путешествиями: Литературное путешествие Мандельштама создавалось, главным образом, в 1920-х и 1930-х гг., – иными словами, после того, как акмеистическое литературное путешествие было подробнейшим образом воплощено в творчестве Н.С. Гумилева. При этом подход двух поэтов к травелогу является противоположным и в определенном смысле взаимодополняющим.

В творчестве Мандельштама наиболее полное воплощение получили различные типы вынужденных, недобровольных путешествий: похищение, умыкание, поездка пленника, поездка-кошмар. Применительно к прозе Мандельштама можно говорить о «зашифрованном» травелоге – очерки о Феодосии и об Армении не являются попыткой описать впечатления от поездки, они скорее представляют собой некий крипто-каталог, ключ к которому содержится в самом тексте. Весь «Крымский» семантический комплекс пронизан аллюзиями к античным произведениям. «Крымские» впечатления аккумулировались на протяжении не одной поездки, они разбросаны во времени, и впечатления путешественника-беглеца оказываются зашифрованными: поездка в Крым представляет собой странствие в царство мертвых, что можно выявить через анализ образа собаки. В четырех «крымских» очерках задействованы мотивы нескольких расхожих вариантов посмертного исхода: переселение душ, сон, воссоединение с цепочкой предков. Типологически в описании путешествий в Крым представлено путешествие-бегство, одновременно являющееся мистическим путешествием в царство смерти.

«Армянский» текст организован и задуман автором более сложно, чем «крымский». Поездка в Армению дала поэту впечатления, легшие в основу цикла стихов «Армения» (а также ряда стихотворений, не включенных автором в цикл, но посвященных Армении) и цикла очерков «Путешествие в Армению». В очерках поэт полностью отошел от «географического» принципа собирания впечатлений и соединил в цикле произведения по ассоциативному принципу.

В заключительной, 4-й главе рассматривается **«ЛИТЕРАТУРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ А.А. АХМАТОВОЙ».**

Параграф 4.1. *Травелогические мотивы и образы в стихах и прозе Анны Ахматовой: общий очерк* посвящен анализу литературных путешествий в творчестве А.А. Ахматовой, поскольку этот вопрос изучен крайне слабо, исследователи в большей мере рассматривают модель художественного пространства

в ее творчестве и перемещений в этом пространстве. Так, С.Э. Козловская пишет, что в художественном мире поэтессы, в силу родовых свойств лирики, пространство существует не само по себе – оно как бы продолжение бытия лирической героини, отмечается также, что ахматовская модель времени-пространства двуипостасна: первая ипостась связана с реально-жизненным воплощением окружающего мира; вторая спроецирована на психологические и мифопоэтические координаты. Е.Ю. Куликова, анализируя динамические аспекты пространства у акмеистов, выделяет в творчестве Ахматовой мотив «прогулки», что и является предметом данного исследования. Ее прогулки – не только медитативные, наполненные мечтами и наблюдениями, нередко они оказываются прогулками влюбленных, свиданием героев и даже поэтов. Помимо прогулок с реальными людьми, выделяются прогулки «мистические», подразумевающие встречи со знаменитостями прошлого. В стихотворных «прогулках» чаще всего отражается не реальное движение, перемещение в пространстве, а речь идет, как указывает Л.Г. Кихней, скорее о перемене точки зрения, фокуса внимания. Фрагментарный, пунктирный принцип построения сюжета объясняется лирической (а не эпической, не драматической) природой этих стихотворений. Исследователи обращают внимание также на онтологическую оппозицию «верха» и «низа» в лирике Ахматовой, противоположность двух полюсов и перемещение между ними, но не всякое передвижение в пространстве есть путешествие.

Тем не менее, можно выделить ряд стихотворений, в которых лирическая героиня совершает путешествие: реальное или воображаемое, во сне или наяву. Так, путешествие в Италию, совершенное Ахматовой совместно с Гумилевым в 1912 году, отразилось в стихотворениях, посвященных Венеции и Флоренции. Однако большую долю ранней лирики занимают не реальные, а воображаемые путешествия, совершаемые в мечтах или во сне. Например, в стихотворении «Побег» описывается воображаемое морское путешествие-бегство. Сюжет морского путешествия-избавления от некой опасности находит продолжение в стихотворении 1917г. «Просыпаться на рассвете...», тема несостоявшегося отъезда за границу получила продолжение в стихах 1960-1961 гг. («Из черных песен»). Помимо «минус-путешествия» и воображаемой поездки в стихах Ахматовой встречается путешествие-сон, онейрическое путешествие («Все мне видится Павловск холмистый...»). Лейтмотивом «севастопольских» стихов становится воспоминание: Ахматова словно сознательно противопоставляет свой подход к описанию путешествий к подходу Н.С. Гумилева. Воспоминанию посвящено и стихотворение «Царскосельская статуя». При этом стихотворение «Вновь подарен мне дремотой...» представляет собой достаточно точное географическое и ботаническое описание именно крымских реалий.

Необходимо подчеркнуть, что в лирике до 1930-х гг. тема путешествия – реального, воображаемого, путешествия-сна и пр. – в основном решается как описание добровольного путешествия. Примером одного из первых обращений к теме путешествия-изгнания можно считать стихотворение «Причитание» («Господеви поклонитесь...»), в котором герои осуществляют передвижение, повинувшись историческим обстоятельствам, «заголосившему» колоколу.

Вынужденное путешествие в первой половине XX века – не только арест и ссылка. Реалии военных лет прибавили и еще один вариант разворачивания семантического комплекса путешествия, – эвакуацию и последующее возвращение. После Ташкента написан цикл «С самолета», состоящий из трех коротких стихотворений.

Мотив, вызванный к жизни именно эвакуацией как вынужденным движением, – это «одомашнивание», отчасти созвучное «одомашниванию чужого» (термин Л.Г. Кихней) в стихах Мандельштама и в то же время понятое принципиально иначе. Для Ахматовой «одомашнивание» – возвращение к истокам прапамяти, вызов к жизни ощущения «прошлых жизней», «памяти предков». После возвращения из эвакуации тема путешествий получает развитие в виде мысленного путешествия, движения по волнам своей памяти («Поэма без героя»).

В последние годы Ахматовой было суждено вернуться в Италию, место одного из первых ее туристических путешествий, а Рим стал отправной точкой для воспоминаний. Сознательно или бессознательно, Ахматова противопоставляла свои «путевые» впечатления «лирической географии» Гумилева.

В лирике Ахматовой можно выделить следующие типы путешествий: туристическая поездка (ранние «итальянские» стихи), вымышленное путешествие во сне или в воспоминании, далее – «минус-путешествия». В ее стихах и прозе практически отсутствует жанр путевого дневника, стихотворений о посещенной ею местности или впечатлениях, полученных в том или ином городе. Такой факт объясняется ключевой особенностью большинства произведений А. Ахматовой: они представляют собой фиксацию момента, переполненного значимыми деталями, «новеллу» (Л.Г. Кихней), своего рода «вспышку», у которой нет прошлого и будущего. Частично отсутствие пространных травелогов у Ахматовой можно объяснить и другим фактором – будучи супругой самого знаменитого путешественника среди русских поэтов, Николая Гумилева, активно писавшего в жанре «путевых заметок» и культивировавшего образ первооткрывателя, собирателя экзотических впечатлений и этнографических диковин, Ахматова вряд ли хотела (и могла) повторять его географическую поэзию. Если в наследии Гумилева «геоциклы» составляют достаточно солидную часть поэзии, а его излюбленной Африке посвящена целая книга, то у Ахматовой можно выделить едва ли с десяток стихотворений, в которых отражаются ее впечатления от конкретного населенного пункта или от дороги в него, и при этом впечатления являются достаточно субъективными. Иногда эти впечатления словно нарочито построены по «анти-принципу»: в Севастополе написано стихотворение о Царскосельской статуе, о Риме, произведшем, по свидетельству современников, глубокое впечатление на Ахматову, в стихах не сказано практически ничего.

Общее настроение травелогов Ахматовой в чем-то напоминает Стерна: не так важны географические координаты, как чувства и эмоции, испытанные самим человеком, и их привязка к гео-точке не является определяющим фактором. Эмоции, внутреннее состояние лирической героини объективируются и «отстыковываются» не только от реального человека – Анны Ахматовой – но и от реального географического объекта, пребывание в котором стало поводом к их переживанию.

В параграфе **4.2. Семантический комплекс путешествия в поэмах Анны Ахматовой** рассматривается семантический комплекс путешествия, получившего наиболее полное раскрытие в поэмах А. Ахматовой. Ранние, реально совершенные ею путешествия в Крым и ее детские впечатления воплотились в поэме 1914 г. «У самого моря», которая вписывается в «крымский» контекст. Воплощенное в «крымском» комплексе мотивов путешествие-невстреча имеет как «рыцарские», так и балладные истоки.

Далее в ее поэмах фигурируют вымышленные впечатления, которые осуществляются не только в пространстве, но и во времени. Для двух поэм – «Путем

вся земля» и «Поэмы без героя» путешествие является лейтмотивом. «Путем вся земля» – произведение, посвященное путешествию – прежде всего, движению во времени. Оно представляет собой поэтический диалог с Гумилевым (с «Заблудившимся трамваем»), что подробно проанализировано С.В. Бурдиной (Бурдина С.В. «Двух голосов переключка»: о дешифровке «Заблудившегося трамвая» Н. Гумилёва // Электронный ресурс: <https://gumilev.ru/about/251/>).

Свой путь лирическая героиня начинает из 1940 года, когда практически вся Европа была объята пламенем войны. Путь героини поэмы – это и предсмертный, и посмертный путь. Героиню Ахматовой постоянно кто-то сопровождает или встречает: то солдат, охраняющий обугленный склад, то некто неназванный, кому необходимо пожать руку, то Муза, то предостерегающий голос, то Гофман. «Путем вся земля» посвящено движению вспять. Путешествие во времени представлено и в «Поэме без героя» – одном из самых загадочных и сложных произведений, которое создавалось в течение более чем 20 лет, и ее лейтмотивом является движение «к человеку». Сначала лирическая героиня говорит не о себе, а о судьбах объективированных персонажей, невольных путешественников-эмигрантов – оказавшихся в изгнании представителей Серебряного века, затем она переключается на себя. Движение «к» превращается в движение «от», путешествие-стремление переходит в путешествие-изгнание, движение-бегство.

Поэмы, таким образом, как и лирические произведения, отражают движение от реально совершаемого путешествия к вымышленному, активизируя сему путешествия во времени. При этом, в отличие от лирических героев стихотворений Гумилева, которые путешествовали по *чужим* воспоминаниям – видели историю города, его прошлое, связанные с ним исторические моменты, герои Ахматовой путешествуют по *своим* воспоминаниям. Тема, обозначенная в «Северной элегии», получает исчерпывающее развитие в текстах поэм, к правкам и дописыванию которых Ахматова возвращалась не единожды.

В параграфе 4.3. ***Отраженный свет «чужих» путешествий в лирике. А.Ахматовой: интертекстуальный диалог с собратьями по перу*** рассматривается обмен поэтическими «репликами», связанный с тематикой путешествия, в частности, с Н. Гумилевым. Такой интертекстуальный диалог, как правило, приводит к углублению и развитию темы путешествий и сплетению ее с побочными мотивами, позволяющими расширить сферу реализации семантического комплекса.

Первый диалог в стихах состоялся в 1911 г., когда Ахматова создает стихотворение «Сжала руки под темной вуалью...», а в январе 1912 года публикуется стихотворение Н. Гумилева «Отравленный» («Ты совсем, ты совсем снеговая...»), в котором, как свидетельствует А. Ахматова, речь идет о ней. Стихотворения представляют собой обмен репликами, причем в обоих текстах значимым является образ дороги–ухода–путешествия. В июле 1921, после гибели Гумилева, Ахматова напишет «На пороге белом рая...» – третью реплику в этом импровизированном диалоге. Хотя в обмене репликами между Ахматовой и Гумилевым не упомянут образ пути, он имплицитно присутствует «на полях» поэтического диалога, в котором выстроена смысловая связь «разлука – дорога». В дальнейшем тема получает развитие в позднем стихотворении Ахматовой «Заклинание», которое написано в 1936 году – через 15 лет после смерти Н.С. Гумилева. Гумилев создает стихи «по горячим следам», увидел город/произведение искусства – написал стихотворение. Ахматова пробыла во Флоренции около 10 дней, наиболее значимым ее впечатлением, также зафиксированным «по горячим следам», оказалось испытанное в

разлуке с мужем одиночество («Помолись о нищей, о потерянной...»). Через много лет эти же мотивы – просьба помолиться об одинокой женщине – повторяются в «Реквиеме».

Отчасти репликой к «итальянскому» циклу Гумилева является и стихотворение «Воронеж», написанное в 1936 году, когда Ахматова посетила в Воронеже опального О. Мандельштама. В описании нового для нее города Ахматова следует «формуле» итальянских путешествий Гумилева: время – детали – история – потусторонние существа. Здесь возникает сложная семантическая цепочка: обмен репликами в «итальянском путешествии» с Гумилевым по поводу Флоренции спустя 24 года продолжается в стихотворении, посвященном О. Мандельштаму. Путешествие-изгнание превалирует в лирике Ахматовой в 1930-е годы и далее, но тема изгнания намечается уже в обмене поэтическими репликами Ахматовой и Гумилева в ранних «флорентийских стихах». Развитие тематики путешествия возникает в формировании образа «города – женщины» и, в свою очередь, обращения к образам изгнанника Данте и изгнанника Мандельштама.

Точки соприкосновения во впечатлениях путешественника обнаруживаются не только в описании Италии, в которой побывали и Ахматова, и Гумилев. В поэзии Ахматовой имеется переключка и с «африканскими» стихами Гумилева: никогда не бывавшая в Африке, Ахматова смогла создать цикл стихотворений «по мотивам», и, хотя формально это переводы, в них присутствует диалог сквозь годы с Гумилевым. Африканские топонимы в стихотворениях Ахматовой отсутствуют, однако в ее творчестве есть «египетский» цикл, связанный с ее переводческой деятельностью. Египет Гумилева – это впечатления путешественника, видящего сквозь бездну времен: в одном и том же пространстве одновременно строятся пирамиды, тоскует Клеопатра, живут шейхи и играют в футбол англичане. Стихотворение «Египет» посвящено этим напластованиям времени, и, как и во всем «африканском» цикле, присутствует собеседник – «ты», который призван посмотреть и увидеть эту особенность Египта.

Если травелоги в прямом смысле данного термина у Ахматовой отсутствуют как класс, то о ее путешествиях «на ту сторону», в «залетейский» мир, напротив, писали практически все исследователи ее творчества. В 1940 году написано стихотворение-воспоминание «Тень», которому предпослан эпиграф из Мандельштама «Что знает женщина одна о смертном часе?». Другое стихотворение, эпиграф которого отсылает к Мандельштаму – на сей раз уже не так явно, но завуалированно – это «Через много лет» с эпиграфом из «Божественной комедии» Данте “*Men che dramma / Di sangue m'è rimasto, che non tremi*”.

Стихотворение «Через много лет» включено в цикл «Шиповник цветет. Из сожженной тетради», в котором Ахматова постоянно обращается к некоему «ты»-собеседнику. Вряд ли можно однозначно утверждать, что этим собеседником является Мандельштам, однако явные отсылки к его творчеству в цикле присутствуют.

Подводя итог анализу творчества А.А. Ахматовой, необходимо отметить, что ее произведения вводят некоторые новые контексты в понимание семантического комплекса путешествий в акмеизме. Прежде всего, она вводит в этот семантический комплекс вариации «минус-путешествия», которое можно понимать двояко. В юности «минус-путешествие» – это почти нарочитый отказ от описания впечатлений путешественника в пользу впечатлений личных, связанных с переживаниями лирического героя. В лирике после 1917 года «минус-путешествие» получает

развитие как несбывшееся, несостоявшееся путешествие. В целом, в силу исторических обстоятельств и личных переживаний Ахматовой пришлось глубоко и полно разрабатывать тематику «отрицательных путешествий» - ссылки, изгнания, эвакуации. Эти мотивы соединяются с образами изгнанника Мандельштама и изгнанника Данте, которым Ахматова посвящала свои стихотворения. В лирике 1940-х годов и позже возникает новый тип путешествия – путешествие во времени. Отчасти это эвакуация в Ташкент, которую Ахматова воспринимает как возвращение к истокам, к прапамяти.

Другой немаловажной стороной развития семантического комплекса путешествия следует признать его реализацию в поэзии Ахматовой через диалог с другими поэтами. Адресатом таких поэтических реплик чаще всего является Н. Гумилев, можно также выделить поэтический диалог с О. Мандельштамом. В стихах Ахматовой появляются значимые для двух ее поэтических собеседников топонимы – Крым, Италия, Африка «Африканская» тема в поэзии Ахматовой не связана с поездкой: в ее поздних стихотворениях Африка возникла как часть «египетского» цикла, переводов стихотворений анонимного автора.

Поэмы Ахматовой представляют собой сложную систему путешествий во времени – лирическая героиня погружается в воспоминания, размышляет о пережитом ею опыте, и реальные жизненные события переплетаются с мистическими и литературными. Путешествия героев А. Ахматовой можно разделить не только по признаку вынужденности / добровольности, но и по принципу обращения к архетипам Стерна и Данте. Архетипические путешествия «стерновского» типа – это аккумуляция впечатлений от собственного странствия, в которых главной темой становятся не путевые впечатления, но чувства, эмоции, переживания героя. Эти путешествия сконцентрированы, главным образом, в ранней лирике и частично в прозе А.А. Ахматовой.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования. Указывается, что литературное путешествие в определенном смысле является константой мировой литературы: практически во всех традициях, во все эпохи и в любой культурной парадигме существует соответствующий комплекс мотивов. Объем понятия «литературное путешествие» не тождественен соответствующему жанру, так как, помимо собственно травелога, путешествие может получить воплощение в качестве комплекса мотивов, семиотической функции текста, проявить себя как аллюзия или реминисценция.

Теоретический анализ наиболее значимых моментов семантического комплекса литературного путешествия позволяет сформулировать модель «центр – ближняя периферия – дальняя периферия», в которой в центре будет находиться жанр травелога как такового, на ближней периферии – обращение к комплексу мотивов литературного путешествия, на дальней периферии – атомарное использование какого-либо мотива, связанного с путешествиями.

В определении центрального понятия литературного путешествия необходимо оговорить, что речь не идет о путевом дневнике. К жанру литературного путешествия относятся путевые записки, имеющие стихотворную или прозаическую форму, основной особенностью которых является перемещение героя в пространстве, сопутствующим сюжетом нередко – пережитая им духовная трансформация. Содержание произведения предполагает «нанизывание» эпизодов разного типа на общий смысловой «стержень» путешествия: так, герои могут встречать различных персонажей, выслушивать их истории, переживать метаморфозы и пр.

Литературное путешествие в результате проведенного анализа классифицируется по различным признакам, которые представляется целесообразным разграничить как внутренние и внешние, реальные и вымышленные. Необходимо обозначить также литературные путешествия, представляющие собой аллюзию к другим произведениям – комические путешествия-пародии и не подразумевающие высмеивания путешествия-рецепции, представляющие собой погружение в определенное культурное и литературное пространство.

В акмеистическом путешествии значимым становится вектор движения в пространстве «тоски по мировой культуре»: путешествие совершается в целях приобщения к некоему культурно значимому пространству, погружения в различные временные пласты

Три «ступени» путешествия в акмеизме, воплощенные последовательно Гумилевым, Ахматовой и Мандельштамом, накладываются на исторические реалии создания травелогов: Литературному путешествию в акмеизме свойственны практически все указанные выше трансформации объектов и субъектов, попавших в орбиту литературного путешествия и все типы литературных путешествий, выделенные в представленной выше сводной классификации. Также литературному путешествию акмеистов свойственно многообразие аллюзий к мировой литературе и восприятие пространства путешествия как погружения в сокровищницу мировой культуры. Намеренно или случайно, акмеисты использовали в своих стихах и прозе практически все архетипы путешествий – добровольных и вынужденных, реальных и вымышленных. Хотя у каждого из авторов существует свое «главное» архетипическое путешествие, тем не менее, они обращаются к самым разным типам и подтипам путешествий.

Мы полагаем, анализ литературного путешествия в рамках акмеизма осуществляется как в контексте истории путешествия в мировой литературе, так и в контексте жанровых вариаций травелогов: три основных представителя литературной школы, близко знакомые между собой (Гумилев, Мандельштам, Ахматова), смогли использовать практически все варианты решения темы литературного путешествия, присутствующие в мировой литературной практике, в своем творчестве.

Выявленная в результате исследования всеохватность типов литературного путешествия в акмеизме позволяет предположить, что и применительно к другим константам мировой культуры акмеизм подразумевает своего рода каталогизацию, обращение ко всем значимым типам и формирование на их основе новых – что и выражалось в «тоске по мировой культуре».

Основные результаты работы опубликованы в следующих изданиях:

Монографии:

1. Головченко И.Ф. Когниция и образ автора в интерпретации смысла. Литературоведение XXI века: монография / Л.В. Витковская, И.Ф. Головченко. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. 332 с.

2. Головченко И.Ф. Семантический комплекс «путешествия» в дискурсе акмеизма (Н. Гумилев, О. Мандельштам, А. Ахматова): монография / И.Ф. Головченко. М: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2017. 403 с.

Учебное пособие

3. Головченко И.Ф. Литературные путешествия в европейской и русской традиции: учебное пособие / И.Ф. Головченко. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. 62 с.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

4. Головченко И.Ф. Восточные мотивы в лирике Н.С. Гумилева: образ воина в

творчестве поэта. / И.Ф. Головченко, Ю.Ю. Дмитриева // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. № 12. С. 186-191.

5. Головченко И.Ф. Сюжето- и жанрообразующая роль мотивов странствия в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». / Л.В. Витковская, И.Ф. Головченко // Вестник Пятигорского государственного университета. 2016. № 4. С. 91-95.

6. Головченко И.Ф. Литературное путешествие в эпоху античности и средневековья: конвергенция типологических особенностей. / И.Ф. Головченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-1 (69). С. 15-17.

7. Головченко И.Ф. Африканский цикл в поэзии Н.С. Гумилева и диалогический дискурс. / И.Ф. Головченко // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2017. № 1. С. 60-64.

8. Головченко И.Ф. Литературное путешествие: проблема жанра. / И.Ф. Головченко // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 1. С. 32-38.

9. Головченко И.Ф. «Итальянский цикл» стихотворений Николая Гумилева. / И.Ф. Головченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. Т. 22. № 1. С. 28-35.

10. Головченко И.Ф. Эволюция жанра путешествия в мировой литературе. / И.Ф. Головченко // Культура и цивилизация. № 1. 2017. С. 187-195.

11. Головченко И.Ф. «Память» Н.С. Гумилева: подведение итогов духовного пути в свете горацианской традиции. / И.Ф. Головченко, Ю.Ю. Дмитриева. // Культура и цивилизация. № 1. 2017. С. 208-216.

12. Головченко И.Ф. По следам Цербера: путешествие в Крым Осипа Манделъштама как путешествие в царство мертвых. / И.Ф. Головченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4-1 (70). С. 26-29.

13. Головченко И.Ф. Формирование и развитие метафорического концепта в диалогическом контексте «Путешествия в Армению» Осипа Манделъштама. / И.Ф. Головченко // Успехи современной науки. 2017. Том 3. №4. С. 163-166.

14. Головченко И.Ф. Литературное путешествие в очерке О.Э. Манделъштама «Севан»: аллюзии к рассказу Э. По «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром». / И.Ф. Головченко // Вестник РУДН. 2017. Т. 22. № 3. С. 426-432.

15. Головченко И.Ф. Имплицитная семантика «пути» в лирическом диалоге Анны Ахматовой и Николая Гумилева. / И.Ф. Головченко // Культура и цивилизация. № 3. 2017. С. 229-236.

16. Головченко И.Ф. Семантический комплекс визионерского путешествия в поэме Н.С. Гумилева «Блудный сын». / И.Ф. Головченко // Казанская наука. 2017. № 9. С. 31-33.

17. Головченко И.Ф. «Путем всея земли» Анны Ахматовой: историческое и географическое движение вспять. / И.Ф. Головченко, Л.Г. Кихней, Л.А. Яковлева // Культура и цивилизация. № 4. 2017. С. 208-220.

18. Головченко И.Ф. Два впечатления от одного города: Флоренция Ахматовой и Гумилева. / И.Ф. Головченко // Культура и цивилизация. № 4. 2017. С. 198-207.

Статьи в рецензируемых зарубежных изданиях:

19. Головченко И.Ф. Специфика образно-философского комплекса Востока в «китайском» цикле Н.С. Гумилев. / И.Ф. Головченко // Danish Scientific Journal (DSJ). № 5. 2017. С. 73-76

Статьи в сборниках научных трудов и материалов научных конференций:

20. Головченко И.Ф. Специфика литературного травелога первой трети XX века в контексте мировой традиции. / И.Ф. Головченко // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения): V Международная научная конференция; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 8–9 декабря 2016: Материалы

конференции / Ред.-сост. А.В. Леднёв А.В., П.Е. Спиваковский. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 167-171

21. Головченко И.Ф. Лейтмотив путешествия в западноевропейской лирике и в поэзии акмеистов. / И.Ф. Головченко // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 11 декабря 2016 г.) / отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. Москва, Пенза, 2017. С. 273-281.

22. Головченко И.Ф. Мотивно-жанровые особенности изображения странствий героев в драматургических опытах Н.С. Гумилева. / И.Ф. Головченко // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2016. № 3 (15). С. 25-30.

23. Головченко И.Ф. Роль африканских путешествий Н.С. Гумилева в становлении акмеизма. / И.Ф. Головченко // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2016. № 4 (16). С. 37-42.

24. Головченко И.Ф. Особенности жанра литературных путешествий в эпоху просвещения. / И.Ф. Головченко // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере материалы II Международной научно-практической конференции. (Пенза 27-28 марта 2017). Пенза, 2017. С. 19-27.

25. Головченко И.Ф. Специфика жанра путешествия в литературе возрождения. / И.Ф. Головченко // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере материалы II Международной научно-практической конференции. (Пенза 27-28 марта 2017). Пенза, 2017. С. 28-38.

26. Головченко И.Ф. Сюжетообразующие функции мотива пути в раннем творчестве Н.С. Гумилева. / И.Ф. Головченко // «Геокультурное пространство: smart-технологии в образовании и социум» IX Международный форум в реальном и виртуальном режиме (Батуми 30 июня - 5 июля 2017 г.). Статьи, доклады. Батуми: Батумский государственный университет им. Шота Руставели, 2017. С. 24-27.

27. Головченко И.Ф. Мотив путешествия в русской литературе начала XX века и мировая традиция. / И.Ф. Головченко // Сборник научных трудов студентов, аспирантов и докторантов. Выпуск 2017. М.: ИМПЭ имени А.С. Грибоедова, 2017. С.154-159.

28. Головченко И.Ф. Семантические и композиционные особенности изображения скандинавских мотивов в творчестве Н.С. Гумилёва. / И.Ф. Головченко // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере материалы III Международной научно-практической конференции. (Пенза 5 октября 2017). Пенза, 2017. С. 386-391.

29. Головченко И.Ф. Семантические функции мотивов путешествия в «римском» тексте О.Э. Мандельштама. / И.Ф. Головченко // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере материалы II Международной научно-практической конференции. (Пенза 5 октября 2017). Пенза, 2017. С. 391-402.

30. Головченко И.Ф. Мотив «виртуальных» путешествий в художественном мире А.А. Ахматовой. / И.Ф. Головченко // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы. Сб. статей по итогам Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Ч. 2. Стерлитамак, 2017. С. 17-22.

31. Головченко И.Ф. Литературное путешествие в творчестве О.Э. Мандельштама. / И.Ф. Головченко // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы. Сб. статей по итогам Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Ч. 2. Стерлитамак, 2017. С. 22-26.

Головченко Игорь Федорович

**Семантический комплекс «путешествия» в дискурсе акмеизма
(Н. Гумилев, О. Мандельштам, А. Ахматова)**

В диссертации рассматривается феномен литературного путешествия как важнейшая семантическая константа мировой литературы, причудливо преломившаяся в творчестве поэтов-акмеистов. Прослеживаются мотивные, сюжетные, жанровые закономерности воплощения семантики «путешествия» в поэзии и прозе Николая Гумилева, Осипа Мандельштама и Анны Ахматовой. Доказывается, что семантический комплекс «путешествия» в дискурсе акмеизма является отражением цеховой установки литературной школы на «тоску по мировой культуре» и, воплощаясь в моделях странствия, паломничества, скитания в творческом наследии указанных авторов, порождает эстетическую стратегию создания травелогического кода мировой культуры.

Golovchenko Igor Fedorovich

**The semantic complex of the “travel” in the discourse of acmeism
(N. Gumilev, O. Mandelstam, A. Akhmatova)**

The thesis examines the phenomenon of the travelogue as the most important semantic constant in world literature interpreted in a fantastic way in the creative works of acmic poets. One can trace the motive, plot and genre regularities of the embodiment of the semantics of the “travel” in the poetry and prose of Nikolai Gumilyov, Osip Mandelshtam and Anna Akhmatova. It is argued that the semantic complex of the “travel” in the discourse of acmeism is the reflection of the workshop orientation of the literary school to the “nostalgia for world culture” and being incarnated in the models of peregrination, pilgrimage, roaming in the creative heritage of the indicated authors, generates the aesthetic strategy of the creation of the travelogue code of world culture.